

ИСТОРИЧЕСКИЕ ШКОЛЫ

*Н. Н. Алеврас
Челябинск*

Петербургская школа историков. К. Н. Бестужев-Рюмин (из лекционного опыта)

Петербургская школа в историографическом контексте

Особенностью современной историографической ситуации в изучении до-революционных научных школ российских историков является доминирование исследований, посвященных петербургским историкам. Именно в их среде историографы увидели более четкое присутствие схоларных признаков, чем, например, в сообществе московских историков. Хотя вопросы о смысловом наполнении и очертаниях культурного пространства таких явлений как «московская» и «петербургская» школа историков требуют дальнейших исследовательских уточнений, но ясно, что петербургская школа стала более освоенным историографическим предметом. Интерес к структуре и границам корпоративной культуры историков-петербуржцев, особенностям формирования лидерства в их среде, проявлениям межличностных отношений, научному соперничеству отличает современную литературу, посвященную этому историографическому феномену.

Представления о петербургской исторической школе как оригинальном явлении, отличающемся своими чертами от традиций московской школы историков, стали складываться уже в конце XIX в. Одним из первых, кто открыл для себя другое сообщество историков и пошел на сближение с ними, был московский историк ученик В. О. Ключевского П. Н. Милюков. В систему научных и межличностных отношений с петербуржцами он вступил в период работы в Петербурге над диссертацией¹. Позднее в мемуарах, созданных в эмиграции, он сконцентрировал свои воспоминания-впечатления в емкую характеристику этого историографического явления. Она хорошо известна специалистам. П. Н. Милюков, обобщая свой далекий коммуникативный опыт, подчеркивал ведущую черту, свойственную историкам-петербуржцам, связанную с преобладанием в их среде принципов, заложенных еще А. Л. Шлёцером: «русскую историю нельзя писать, не изучив предварительно критически ее источников». Он, однако, полагал, что новаторский для своего времени подход Шлёцера требовал развития и модернизации. П. Н. Милюков попытался сопоставить образы двух школ — московской и петербургской — и определить их особенности и взаимовлияния. Его симпатии явно на стороне родной московской школы, которая «шагнула гораздо дальше» петербургской, поскольку предприняла разработку неизученных в то время проблем российской истории, выйдя за пределы традиционной для тогдашней историографии тематики древнейшего периода. Это вызвало необходимость выявления и включения в научный оборот «громоздкого архивного материала», а также обновления предметного поля науки. «История быта и учреждений» в их эволюции — вот что интересовало его самого и рассматривалось в качестве но-

вой постановки исследовательской проблематики, мимо которой, по его мнению, проходили петербуржцы.

Зафиксировав, по сути, факт различного понимания историками двух научных центров задач исторической науки, он, вместе с тем, считал, что петербургские историки, при установлении контактов с москвичами и, в частности, с самим П. Н. Милюковым, оказались под воздействием более сильной научной традиции московской школы. Конечно, подчеркивал он, изначальная петербургская традиция продолжала сохранять в их среде свои позиции. Последовательно ее реализовывал, например, ученик К. Н. Бестужева-Рюмина Е. Ф. Шмурло. Попытки компромиссного соединения опыта двух школ выделялись П. Н. Милюкову в творчестве виднейшего представителя историков Петербурга — С. Ф. Платонова: «Даже С. Ф. Платонов, идя на компромисс (речь идет о восприятии им некоторых подходов и стиля исследования, свойственных историкам-москвичам. — Н. А.), блестяще разрешил его, посвятив первую часть по Смуте XVIIв. критике источников (они этого требовали по своему характеру), и лишь во второй части изложил историю Смуты — по-московски»².

Представители петербургской школы тоже выразили свое отношение к особенностям историографического почерка двух школ. Характерен в этом смысле нередко цитируемый текст выступления А. Е. Преснякова на защите докторской диссертации (1918). Позиционируя себя в качестве представителя «петроградской исторической школы», историк подчеркивал, что определяющей ее чертой являлся «научный реализм, сказывающийся, прежде всего, в конкретном, непосредственном отношении к источнику и факту — вне зависимости от историографической традиции». В отличие от П. Н. Милюкова, А. Е. Пресняков не видел преимуществ московской школы. Связывая ее с традициями историко-юридического подхода, выраженного, по его мнению, не только С. М. Соловьевым, но и В. О. Ключевским, он полагал, что, в отличие от историков-петербуржцев, москвичи в своих научных построениях тяготели к приоритету теории и социологической схемы³. Подбор фактов и интерпретация источников оказывались в этой ситуации подчиненными им. Сходных представлений о «расстановке сил» в научном пространстве историков двух столичных университетов придерживался представитель младшего поколения дореволюционных историков петербургского университета — С. Н. Валк⁴. Он исходил из того, что любой центр университетского образования в силу «особых местных условий» формировал и свой тип ученых-историков, и неповторимый облик научных школ⁵.

Наиболее полное освещение состояния изученности феномена петербургской исторической школы представлено Е. А. Ростовцевым⁶.

Процессу интенсивного исследования данное явление подверглось в 1990-е — начале 2000-х гг., когда в отечественной историографии осуществлялись активные поиски критериев понятия «научная историческая школа» и были предприняты попытки идентифицировать целый ряд явлений истории исторической науки как схолярные по своей природе. Изучение петербургской исторической школы впервые приобрело полемический характер в 1997 г. на Третьих мартовских чтениях, посвященных памяти С. Б. Окуня⁷. На основе же общих итогов довольно многочисленных в 1990-е — начале 2000-х гг. исследований из области истории петербургской школы⁸ можно вычленил несколько проблемных узлов. Они связаны с определением особенностей коммуникативной природы петербургской

школы и специфических признаков ее теоретико-методологической платформы, установлением соотношения опыта данной школы с другими схолярными традициями (с московской, в первую очередь), выяснением функционально-ролевой нагрузки в контексте общего развития исторической науки.

Специфика петербургской школы, кроме отмеченной еще современниками — источниковедческой доминанты, как элемента ее методологической идеологии — определяется, кроме того, длительным периодом отсутствия явно выраженного лидера. Эта особенность, по мнению некоторых историографов, «стимулировала зарождение разнонаправленных тенденций в рамках петербургского сообщества историков»⁹. Следствием этих тенденций можно считать интенсивное формирование в конце XIX – начале XX вв. системы петербургских школ с подчеркнутым лидерским началом в лице С. Ф. Платонова и А. С. Лаппо-Данилевского, а также формированием схолярных потенциалов в деятельности А. Е. Преснякова. Сложную архитектуру петербургской школы можно объяснить не только наличием, по крайней мере, двух самостоятельных лидеров, имевших своих учеников и последователей, но и тем фактом, что именно эта научная среда положила начало методологического размежевания российских историков. Отмеченный процесс дал основание Е. А. Ростовцеву сделать вывод о формировании в конце 1890-х гг. двух направлений петербургской школы — теоретического во главе с А. С. Лаппо-Данилевским и эмпирического во главе с С. Ф. Платоновым¹⁰. Предложенная дифференциация согласуется с близким по характеру восприятием данных научных явлений со стороны других историографов. Ряд из них, кроме того, констатируют различные типы коммуникативного облика школ этих двух историков: существенной чертой школы Платонова называют ее учебно-функциональный характер (В. П. Корзун, С. П. Бычков; С. В. Чирков; Е. А. Ростовцев), школу же Лаппо-Данилевского некоторые ученые определяют как «невидимый колледж» (В. П. Корзун, С. П. Бычков)¹¹.

Особый колорит петербургской школе придавало присутствие в российской столице Академии наук, в стенах которой действовало историко-филологическое отделение (ИФО), и Министерства народного просвещения, в ведомстве которого находилась Археографическая комиссия. В том и другом учреждении сложились группы профессиональных историков. Между ними и историками Петербургского университета сформировались довольно тесные линии взаимодействия. Топографическая близость к Академии наук содействовала активному сотрудничеству с ней университетских историков Петербурга и их более быстрому продвижению по лестнице академической карьеры. Деятельность А. С. Лаппо-Данилевского, как это показано в обстоятельном исследовании Е. А. Ростовцева, является ярким примером подобного научного общения, давшего плодотворные результаты. С течением времени именно работе в Академии наук в составе ИФО А. С. Лаппо-Данилевский придавал первостепенное значение. Активное привлечение петербургских историков (в частности, С. Ф. Платонова, А. С. Лаппо-Данилевского, А. Е. Преснякова и др.) к деятельности в Археографической комиссии¹² не только обогащало их исследовательский опыт и содействовало реализации крупных археографических проектов, но и создавало благоприятные условия для формирования специальных исторических дисциплин источниковедческого цикла. Не случайно, с деятельностью петербургских историков связано становление актового источниковедения (дипломатики), ле-

тописеведения, археографии и др. специальных исторических дисциплин. В среде же московских историков, например, археографические исследования, осуществлялись, как правило, специалистами архивных учреждений. В Москве, в свою очередь, было положено начало такой дисциплине как архивоведение.

С учетом наличия в Петербурге не менее трех историко-научных центров Е. А. Ростовцев пришел к важному выводу, уточняющему границы пространства петербургской школы: «...в 1840–1860-е гг. историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета, Академия наук и Археографическая комиссия стали институциональной основой формирования петербургской исторической школы»¹³.

Таким образом, под крышей петербургской исторической школы автор обнаруживает широкое сообщество петербургских историков, не ограничивая его только рамками университетской среды. Общий контекст его монографического исследования дает основание считать, что отмеченная особенность рассматривается историографом как специфическая черта этой школы, отличающая ее от московской школы историков.

Портрет петербургских историков как схолярного явления корректирует В. П. Корзун на основе особенностей культурной атмосферы Петербурга. Имея в виду более выраженное стремление культурной среды Петербурга к синтезу «русского и западноевропейского», она подчеркивает, ссылаясь на исследования истории петербургской культуры М. Кагана, повышенный интерес петербургских интеллектуалов к творчеству западноевропейских философов и психологов. Это стало питательной основой восприятия и развития, например, А. С. Лаппо-Данилевским идеей неокантианства, общих философских представлений о единстве и целокупности научного знания, опыта науковедения. Достижения в области литературоведения, возникновение семиотики стали, по замечанию В. П. Корзун, дополнительным фактором для развития междисциплинарных тенденций, которые первыми уловили петербургские ученые. «Художественный стиль Петербурга», «графичность и сциентизм петербургской культуры», новации языковедения — все это рассматривается как плодотворная основа формирования оригинальной схолярной традиции петербургских историков¹⁴.

В современной науке присутствует различное понимание характера взаимоотношений петербургской и московской исторических школ: одни исследователи склонны противопоставлять их как научные феномены историографии, другие — подчеркивают тенденции сближения этих школ по ряду параметров.

Например, С. В. Чирков подчеркивает, во-первых, существенно различающиеся позиции тех историков, которые стояли у истоков формирования традиций научных подходов к изучению истории. Называя в этой связи в качестве знаковых фигур историков первой половины XIX в. — петербуржца М. С. Куторгу и москвича Т. Н. Грановского, он, вслед за С. Н. Валком, в первом из названных видит родоначальника «научного критического исследования». Внедряемые им принципы через поколенный ряд историков петербургского университета к концу XIX в. обрели черты «проблемно-источниковедческой методик», наиболее ярко воплотившиеся в творческом почерке С. Ф. Платонова. Во-вторых, С. В. Чирков полагает, что в результате различного понимания методологической значимости источниковедческих пассажей в исторических исследованиях историков двух школ, сформировались различные типы их научных куль-

тур. Это важное обстоятельство стало основой самоидентификации историков петербургской и московской научных традиций в рамках антиномии «мы и они»¹⁵. Подобному пониманию различающихся научных образов двух школ близка позиция Е. А. Ростовцева. Он также идет по линии противопоставления научно-методологических систем, заложенных их основателями — М. С. Куторгой и Т. Н. Грановским. Подчеркивая, что тот и другой по-разному понимали смысл задач, стоявших перед исторической наукой, Е. А. Ростовцев делает вывод, что для московской школы было характерно концептуальное осмысление отечественной и мировой истории. Условия же формирования воззрений петербургских историков (имеется в виду «строгий правительственный контроль над столичным университетом», который не способствовал развитию концептуального подхода, а также отмеченное уже наличие Академии наук и Археографической экспедиции) сформировали в их среде иную научную традицию. Ее он связывает с характерным для петербуржцев-историков утверждением «научно-критического метода в качестве базового в историческом исследовании»¹⁶. Еще более определенно противопоставление двух школ выражено историографом во введении к монографии, где автор подчеркивает «оппозицию» петербургской школы с ее двумя внутренними направлениями (эмпирическим и теоретическим) московской школе с характерным для нее «социологическим» ракурсом¹⁷.

Несколько иначе оценивают природу научных коммуникаций московских и петербургских историков другие историографы. А. Н. Цамутали, В. П. Корзун, С. В. Брачев, В. А. Муравьев склонны видеть сближение школ, как на уровне межшкольных взаимоотношений, так и в сфере методологии и проблемно-концептуального восприятия прошлого¹⁸. Наиболее выразительно (и в то же время категорично) подобную позицию в новейших историографических исследованиях зафиксировал А. Н. Шаханов. Он констатирует, что период отчуждения историков Москвы и Петербурга, характерный для старшего поколения ученых, в начале XX в. сменился активным процессом сближения поколения «детей», что более всего подтверждается их совместным участием в крупных исследовательских проектах. Опираясь на взгляды современников и мнения современных исследователей проблем истории исторической науки, он резюмирует: «Ученые ведущих исследовательских центров империи (речь идет об историках. — Н. А.) принадлежали к одному направлению в науке, что исключало их конфронтацию по методологическим и концептуальным проблемам»¹⁹. Некоторая прямолинейность вывода не позволяет безоговорочно согласиться с мнением автора.

Представляется, что более взвешенной является позиция тех историографов, которые вполне различают особенности историографического письма, характерные для каждого из двух ведущих российских центров историко-научного знания. В то же время, несомненно, на рубеже XIX–XX вв. начался процесс их научного диалога. В это время складывались условия для взаимного обогащения опыта научной деятельности историков двух столиц. Вероятно, можно говорить о начале синтеза межшкольных традиций и формировании на этой основе в рамках международного пространства типичных черт русской исторической школы. Этому не могла не содействовать, прежде всего, общая для двух школ позитивистская методология, доминировавшая в общей среде российских историков до начала XX в. В то же время неокантианская модель методологии, носителем которой в среде русских историков являлся А. С. Лаппо-Данилевский, остава-

лась не только разделяющим фактором внутреннего строения петербургской школы, но и внешним рубежом по отношению к московской школе.

Современная историография петербургской школы историков дает основание рассматривать это явление как концентрированное выражение особенностей всей русской дореволюционной историографии. В петербургской школе переплелись через раннее творчество К. Н. Бестужева-Рюмина (с его почитанием С. М. Соловьева) и через известные симпатии С. Ф. Платонова к взглядам В. О. Ключевского черты московской историко-научной традиции с собственным опытом университетских петербургских ученых, испытавших, кроме того, определенные влияния, идущие от ученых Академии наук и Археологической комиссии.

Старшее поколение петербургских историков (прежде всего, К. Н. Бестужев-Рюмин, В. Г. Васильевский) формировалось в условиях методологического перехода от идей гегельянства к позитивизму. Это немаловажное обстоятельство в совокупности с другими не содействовало созданию цельного научного мировоззрения и методологически определенной схоларной линии развития сообщества историков Петербурга. Наличие нескольких историко-научных центров в столице, более разнообразный, чем в Москве, научно-исследовательский опыт среды историков, вероятно, ослабляли их корпоративную сплоченность и создавали прецеденты формирования, с одной стороны, либо эклектической основы исторических воззрений, либо новых теоретико-методологических доктрин. С другой стороны, условия более сложных коммуникативных практик становились основой появления типов историков-маргиналов, самодостаточных в своих методологических установках. Методологическое идейное разнообразие, характерное для петербургского сообщества историков начала XX в. (например, методологические и философские проекты А. С. Лаппо-Данилевского, Л. П. Карсавина, Н. И. Кареева, С. Л. Франка), отличают петербуржцев от москвичей, работавших в это время в рамках более однородной методологической парадигмы.

Картина персональной представительности петербургской исторической школы многолика, поскольку включает, как уже отмечалось, кроме историков университета, ученых других научных учреждений и разнообразных дисциплин. Попытаемся обозначить галерею петербургских историков с учетом отмеченных особенностей и принадлежности их к различным научным поколениям.

Одним из первых поколенную структуру петербургской исторической школы попытался наметить С. Н. Валк, но более основательно ее представил Е. А. Ростовцев²⁰. По его версии наиболее видными фигурами *первого поколения* (условно — первая половина XIX в.) историков Петербурга являлись университетские ученые — историк-всеобщник М. С. Куторга, профессор М. М. Стасюлевич. Е. А. Ростовцев, правда, не называет среди них имени историка Н. Г. Устрялова, возглавлявшего университетскую кафедру русской истории. Заметим, что деятельность этого историка остается пока в тени, когда речь заходит об истоках петербургской историко-научной традиции. Н. Г. Устрялов, несмотря на то, что построил преподавание, как это подчеркнул А. Н. Шаханов, «по Карамзину» и вел достаточно закрытый образ жизни кабинетного профессора, оставил все же свой след в формировании петербургской историко-научной традиции хотя бы характерным интересом к выявлению и публикации текстов исторических памятников, первыми попытками их классификации, а также своей активной археологической практикой, что закладывало стиль и приоритеты Петербург-

ской школы. Фигуру Н. Г. Устрялова особо выделил С. Н. Валк, поставив ее рядом с М. С. Куторгой. На них двоих он смотрел как на ученых, определивших позитивный перелом в постановке преподавания истории в Петербургском университете в 1830-х гг.²¹

К первому поколению петербургских историков Е. А. Ростовцев относит также галерею представителей Академии наук и Археографической комиссии — А. А. Куника, И. И. Срезневского, Л. Э. Стефани, Я. И. Бердникова, П. М. Строева, А. Ф. Бычкова. Для студенческой аудитории можно заметить, что многие имена в этом ряду мало известны широкой аудитории интересующихся историей, но для профессиональных кругов они являются глубоко почитаемыми специалистами. Некоторые из этого списка имели прямое отношение к реализации археографических проектов первой половины XIX в.

Ко *второму поколению* (их творчество пришлось на 1860–1890-е гг.) исследователь-историограф относит университетских профессоров В. В. Бауэра, Ф. Ф. Соколова, Е. Е. Замысловского и несомненных лидеров этого поколения византиниста В. Г. Васильевского и русиста К. Н. Бестужева-Рюмина. Историкам первого и второго поколений петербургская школа обязана была формированием тех основных особенностей понимания смысла, задач и методов исторической науки, о которых уже шла речь.

Третье и четвертое поколения, деятельность которых относится к 1890-м — началу 1920-х гг., представлено учениками и учениками учеников вышеназванных ученых. Лидерами среди них, как уже подчеркивалось, являлись С. Ф. Платонов и А. С. Лаппо-Данилевский. Видными деятелями были историки Е. Ф. Шмурло, Н. Д. Чечулин, В. Г. Дружинин, Н. П. Лихачев, А. А. Шахматов, С. В. Рождественский, А. Е. Пресняков, Н. П. Павлов-Сильванский, И. М. Гревс, Б. А. Тураев, М. И. Ростовцев, С. А. Жебелев, Э. Д. Grimm, М. Д. Приселков и др. Многие из перечисленных — например, Шмурло, Дружинин, Лихачев, Шахматов, Павлов-Сильванский, Тураев, Ростовцев — не являлись университетскими преподавателями.

По мнению Е. А. Ростовцева, перспективной можно считать позицию тех историографов, которые понятие «петербургская школа» рассматривают как «важный элемент построения общей картины национальной историографии». Акцентируя при этом внимание на методологию исторического исследования, как важнейшего показателя схоларной специфичности, он предлагает рассматривать петербургскую историческую школу в качестве *течения* отечественной исторической науки, в рамках которого сложилась определенная методологическая традиция. Такой подход позволяет историографу использовать понятие «петербургская школа» не только для обозначения научной корпорации, но и как исследовательский инструмент, который дает возможность создавать объяснительные конструкты относительно научно-исследовательских программ, формировавшихся и реализовавшихся в петербургской школе²². Сформулированный им угол зрения автор реализует на примере творчества А. С. Лаппо-Данилевского. Однако важно подчеркнуть, что заданные ориентиры для создания персонального портрета одного из виднейших представителей данной школы, можно (и, вероятно, нужно) экстраполировать на любого историка этой историографической культуры. Позиция Е. А. Ростовцева, на мой взгляд, делает к тому же интересный поворот к соотношению понятий «школа» и «течение» в историографии. Его подход можно

интерпретировать как попытку создания некоторой иерархии коммуникативных практик в исторической науке, которая учитывает их методологическую составляющую. Общий взгляд Е. А. Ростовцева на пространство исторической науки, как можно понять из контекста его рассуждений, опирается на представление о существовании в этом пространстве систем научных школ, образующих течения научной мысли, которые базируются на особенностях их методологий. Наблюдения и выводы историографа, таким образом, обогащают современную историографию научных школ новыми толкованиями целого ряда спорных теоретико-методологических проблем историографического знания.

К. Н. Бестужев-Рюмин (1829–1897): учитель без школы

Поскольку отдельный разговор о К. Н. Бестужеве-Рюмине²³ по учебной программе истфака ЧелГУ ведется на специальном учебном семинаре по историографии, то в лекционной части стоит лишь напомнить о существовании монографии Р. А. Киреевой, посвященной его творчеству — (*«К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX века» М., 1990*). Характерной чертой этого фундаментального исследования является, во-первых, стремление автора раскрыть портрет историка посредством детального анализа его исторических взглядов, концептуальных построений, профессиональной и общественной деятельности, которые она органично погружает в контекст развития российской исторической науки. Во-вторых, Р. А. Киреева актуализирует вопрос о характере мировоззренческих основ понимания им смысла особенностей исторического пути России. Автор монографии решает его в попытках определить, к какому из направлений историографии — либеральному или консервативному — принадлежит историк. Постановка последней проблемы, как и акценты на содержательный смысл концепций историков — характерная черта советской историографии. В меньшей мере автор уделяет внимание тем процессам, которые в современной историографической литературе приобрели злободневность. Научные коммуникации, схолярные процессы, например, специально не интересовали автора в то время, а если и были затронуты, то остались на периферии ее внимания, что вполне понятно, если учитывать характер историографической мысли того времени, когда книга создавалась.

В связи с этим, следует подчеркнуть, что, поскольку фигуру К. Н. Бестужева-Рюмина в современной историографии, как правило, рассматривают как знаковую (он — представитель одного из первых поколений историков петербургской школы и носитель характерных ее черт; от него специфические особенности школы передавались младшим поколениям историков-петербуржцев), то возникает необходимость акцентировать внимание на его облике как университетском преподавателе и научном лидере петербургских историков. Попробуем это сделать, обратившись, прежде всего, к свидетельствам современников.

С. Ф. Платонов, которого причисляют к ученикам К. Н. Бестужева-Рюмина, свидетельствовал о пережитом чувстве наслаждения, которое он испытывал от Бестужева-лектора: «Бестужев не был оратором, — он не “читал”, он просто беседовал, не заботясь о форме своей речи. Беседа захватывала его самого настолько, что он забывал обстановку, привставал, иногда почти всем корпусом припадал

к кафедре, заноса ногу на кресло, иногда обходил кафедру кругом. Перед нами был человек, широко образованный, свободно вращавшийся во всех сферах гуманитарного знания, великолепно знавший свою науку, умевший легко поднять нас на высоты отвлеченного умозрения и ввести в тонкости специальной ученой полемики... Какою-то поэзией ученого труда обвевала нас быстрая, воодушевленная, блиставшая остроумием речь Бестужева. И жаль было провожать его из аудитории, и приятно было ждать следующей пятницы...»²⁴.

Особое место в воспоминаниях С. Ф. Платонова занимает сюжет о курсе историографии К. Н. Бестужева-Рюмина: «Это был любопытный и живой курс. То, что напечатано Бестужевым по историографии в “Русской истории” и в “Московском обозрении”, ни мало не похоже на его лекции. Конспективный и сухой тон печатных статей не может дать понятия об устной беседе Бестужева: в нем было много житейских подробностей, бытовых черт, личных воспоминаний, даже анекдотов. Деятели нашей исторической науки, можно сказать, являлись живыми лицами в изображении Бестужева. Некоторые из них прямо вдохновляли лектора. О С. М. Соловьеве Бестужев, например, договорился до слез и нас взволновал: гурьбою мы проводили его после чтения о Соловьеве до самой профессорской, продолжая разговор о великом историке»²⁵.

Отдельный сюжет составляет вопрос о мировоззренческих, методологических, философских предпочтениях К. Н. Бестужева-Рюмина, принадлежности его к тому или иному направлению в науке. Современники (например, А. С. Лаппо-Данилевский) отмечали эклектичность и непоследовательность его общего подхода к пониманию процесса познания истории. Современные историографы — Р. А. Киреева (1990), М. Ю. Лачаева (2003) — подчеркивают преимущественное следование историка авторитетам представителей историко-юридической школы (С. М. Соловьева, К. Д. Кавелина) и, следовательно, идеям гегелевской философии истории. Другие исследователи — А. П. Пронштейн (1990), А. Н. Шаханов (2003) — обнаруживают его эволюцию к позитивистскому осмыслению истории, обращая внимание на известную мысль К. Н. Бестужева-Рюмина о необходимости идти в познавательном процессе «не от общей мысли к факту, а от факта к общей мысли». В этой связи подчеркивается стремление К. Н. Бестужева-Рюмина дистанцироваться от сугубо философского метода, дабы избежать схематизма и формализма в описании исторических явлений. Отмечаемый многими исследователями эклектизм его позиции выразился, по наблюдениям А. Н. Шаханова, в попытке соединить и гегельянство, и позитивизм, и метод Шлецера, и подход Карамзина.

Виднейший представитель младшего поколения петербургской школы С. Н. Валк полагал, что К. Н. Бестужев-Рюмин при переезде из Москвы в Петербургский университет пережил определенный мировоззренческий и методологический кризис, который, по мысли историка, являлся существенным «для характеристики ученых направлений в наших университетах»²⁶. За несколько лет с момента своего укоренения в Петербургском университете К. Н. Бестужев-Рюмин из сторонника идей и метода С. М. Соловьева и его последователей превращается в его критика, провозглашая себя приверженцем нового направления²⁷. В 1860-е гг. идейный багаж историка, отмечает С. Н. Валк, пополняется понятиями «народный», «дух народный» и пр. Однако, по его же наблюдениям, известные увлечения К. Н. Бестужева-Рюмина славянофильством и «костомаровскими федеративными теориями» не превратили историка в бытописателя на-

родной жизни, поскольку он не ощущал уверенности в «новом идейном содержании»²⁸. Таким образом, дух сомнения, свойственный К. Н. Бестужеву-Рюмину, его стремление к объективности в характеристике различных мнений предшественников делали его, с одной стороны, толерантным в методологическом отношении, а с другой — уязвимым в демонстрации своих научных позиций, слабой стороной которых являлось отсутствие независимости суждений и устоявшихся взглядов.

При сохранявшемся эклектическом подходе, в методе К. Н. Бестужева-Рюмина все же доминируют позитивистские установки. В свое время В. О. Ключевский сравнивал его «Русскую историю» с подробным «путеводителем при обзоре осматриваемого города», а П. Н. Миллюков называл этот труд «репертуаром фактов в связи с обзором источников»²⁹. Характер главного исторического сочинения историка, мнения современников о его научном почерке, исследования творческого процесса историка дают основание говорить о преобладании в его научной позиции позитивизма в его фактографической форме.

Как бы ни поражал К. Н. Бестужев-Рюмин своей научной эрудицией и лекторским талантом, однако, большинство современников сходилось во мнении, что ему не удалось создать свою научную школу. Возможно, что одной из причин этого являлся отмеченный методологический плюрализм. Еще в 1891 г. в одном из писем П. Н. Миллюкову С. Ф. Платонов констатировал, что в Петербургском университете «школы»... по русской истории собственно не было». Как первоочередную в это время для себя задачу он связывал с необходимостью формирования именно этой научной традиции, дабы избежать «отпечатка безшколия», которым страдали начинающие историки³⁰. После смерти К. Н. Бестужева-Рюмина первым констатировал отсутствие у него школы его ученик — Е. Ф. Шмурло. Данные им характеристики учителя подтверждают вышесказанное. Творческое его своеобразие Е. Ф. Шмурло объяснял тем, что формирование школы требует от ученого «исключительной веры в свой собственный тезис», известного научного «фанатизма». К. Н. Бестужев-Рюмин, апеллировавший в своем курсе русской истории к совокупности свидетельств и мнений, не выработал «собственного цельного мировоззрения», которое бы, подобно С. М. Соловьеву, стало «нитью» русской истории³¹. Эти особенности сказались на содержании его лекционного курса по русской истории. Е. Ф. Шмурло подчеркивал, что свою «Русскую историю» К. Н. Бестужев-Рюмин писал «не по призванию, а по долгу»³², предлагая не свою особую версию истории, а, преследуя практическую цель преподавателя — ознакомить студенческую аудиторию с основными фактами русской истории. Историк при этом имел в виду, что за каждым историческим фактом стояло мнение того или другого исследователя. В этой позиции и сказывались его представления о способах достижения объективности в подаче исторического материала. Р. А. Киреева обратила внимание на одну из характеристик стиля мышления К. Н. Бестужева-Рюмина, оставленную в 1903 г. С. Ф. Платоновым, а именно: особое умение маститого историка «уразуметь и истолковать самые разнообразные точки зрения», «найти зерно истины и в том, что, казалось бы, ему совершенно чуждо и враждебно». Не случайно, как вспоминали его ученики, он настоятельно предлагал студентам высказывать свои собственные суждения, но требовал при этом от них основываться на «строгих данных» и «серьезном изучении предмета»³³. К. Н. Бестужева-Рюмина отличала большая терпимость к иным воззрениям в науке. Чужое мнение для него являлось фактом науки и

своеобразной проверкой собственных взглядов и выводов. По свидетельству современников, он, следуя за Гегелем, повторял: «Если твое мнение отлично от моего, то это еще не значит, что ты заблуждаешься; может быть, ты подходишь к истине с другой стороны и видишь ее другую сторону»³⁴.

Но как бы ни была привлекательна научная толерантность К. Н. Бестужева-Рюмина, она, несомненно, свидетельствовала об отсутствии у него четко сформулированной исторической концепции и заслоняла его научную индивидуальность. Плюрализм научных мнений, допускаемый им, вписывался в общую канву позитивистской парадигмы. Однако в условиях поиска в науке основ методологического обновления исторического знания, его принципы уже не могли обеспечить этот процесс. Расплывчатость концептуальной основы его взгляда на ход русской истории, определенная индифферентность к проблемам методологии истории не могли создать всех необходимых условий для формирования оригинальной научной программы историка, что и поставило под вопрос существование школы Бестужева-Рюмина.

К 25-летию со дня смерти историка, в 1922 г., почти одновременно и в одном ключе А. Е. Пресняков и С. Ф. Платонов высказали сходную мысль: К. Н. Бестужев-Рюмин имел учеников, но не создал школы³⁵.

Представитель младшего поколения петербургских историков С. Н. Валк был близок к этому суждению, выразив его в 1948 г. в юбилейном очерке об исторической науке Ленинградского университета³⁶. Современные историографы вполне разделяют наблюдения современников, когда в качестве характерной черты организационной структуры петербургской школы отмечают отсутствие до начала XX в. ярко выраженного лидера. Уже цитированное мнение омских историографов о том, что «школа без лидера» в Петербурге «стимулировала зарождение разнонаправленных тенденций в рамках петербургского сообщества историков» основано, прежде всего, на анализе схолярно-лидерского потенциала именно К. Н. Бестужева-Рюмина.

Но мне хотелось бы сделать акцент на соотношении таких явлений как лидерство, ученичество и школа, связав их в данном случае с феноменом К. Н. Бестужева-Рюмина. Если такое явление как «школа без лидера» и может быть признано как специфический факт науки, то труднее предположить возможность существования учеников без учителя, учеников без школы. Свидетельства современников о наличии у К. Н. Бестужева-Рюмина учеников и идентификация таковых в лице, например, Е. Ф. Шмурло, С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова, позволяет все же говорить, если не о школе, то о лидерстве историка и воздействии его позиции на взгляды и творческую деятельность ряда петербургских историков. По всей вероятности, мы имеем дело со схолярным явлением в его, если так можно сказать, зачаточном виде. Для реализации процесса формирования научной школы вокруг фигуры К. Н. Бестужева-Рюмина не доставало ряда благоприятных факторов. Во-первых, его профессиональное становление пришлось на время идейного и научного парадигмального перехода. С. Н. Валк не случайно подчеркивал, что историк попал в своеобразные методологические ножницы: «...старые идейные основы были разрушены, а новые идеи не овладели настолько Бестужевым, чтобы сделать их руководящим началом построения новой теории русского исторического процесса»³⁷. Во-вторых, можно полагать, что историк по характеру своей натуры не имел желаний (или внутренней убежденно-

сти?) заявить свое лидерство в научном сообществе русских историков. В основе такой позиции, вероятно, лежали выше обозначенные принципы К. Н. Бестужева-Рюмина как «объективного» историка, а также его личностные черты, за которыми просматривался человек, не склонный к активной организаторской деятельности в науке. Некоторые характеристики К. Н. Бестужева-Рюмина, на мой взгляд, напоминают позицию В. О. Ключевского (имеется в виду определенная дистанцированность того и другого от своих учеников). Но последний из них, благодаря социальному акценту своей исторической концепции и особому художественному таланту репрезентации лекций-исследований, завоевал огромнейшую популярность в обществе, что само по себе являлось притягательным моментом для молодого поколения историков, движение которых к кругу В. О. Ключевского, вероятно, преобладало в схоларном строительстве персональной школы. Кроме того, В. О. Ключевский довольно планомерно осуществлял программу подготовки выпускников-историков к «профессорскому званию», заложив определенную основу организационных параметров научной школы.

К. Н. Бестужев-Рюмин, вероятно, не замыслил создания своей школы, но принципы и методы исторического исследования, пропагандируемые им, прочно вошли в методологический арсенал петербургских историков. Имеется в виду, прежде всего, источниковедческая составляющая исторических построений ученого. Продолжая традицию М. С. Куторги и солидаризируясь в этом вопросе со своим коллегой-сверстником В. Г. Васильевским, К. Н. Бестужев-Рюмин своей источниковедческой по характеру диссертацией проложил торный путь развития петербургской школы, приметной чертой которой стали критико-источниковедческие изыскания. Источниковедческий характер имели первые крупные работы С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова³⁸. Да и конкретно-исторические их исследования сопровождалось выразительным источниковедческим акцентом. В трудах и археографических проектах А. С. Лаппо-Данилевского, которого не относят к кругу учеников К. Н. Бестужева-Рюмина, проблемы методики изучения исторических источников в конечном итоге приобрели характер теоретико-методологической проблемы. Не случайно, в его «Методологии истории» специальный раздел посвящен методологии источниковедения. Конечно, А. С. Лаппо-Данилевский в начале XX в. проблемы источниковедения решал с позиций иной теоретико-философской системы, чем К. Н. Бестужев-Рюмин. Однако и К. Н. Бестужев-Рюмин, задавая движение источниковедческой мысли, некоторым образом ощущал связь источниковедения с теоретическими проблемами исторического познания. Не случайно у А. С. Лаппо-Данилевского из всех историков старшего поколения наиболее близкие отношения сложились именно с К. Н. Бестужевым-Рюминым. Е. А. Ростовцев пришел к заключению, что «с ним одним молодой ученый мог обсуждать вопросы теории истории, делиться своими планами». Исследователь при этом замечает, что хотя у К. Н. Бестужева-Рюмина, всегда интересовавшегося вопросами философии истории, не сложился собственный методологический аппарат, но он возлагал надежду на А. С. Лаппо-Данилевского как создателя теоретических основ исторической науки³⁹.

Мы упомянули только несколько имен, затронутых источниковедческим духом К. Н. Бестужева-Рюмина. Практически же каждый представитель большого сообщества петербургских историков был втянут в источниковедческие разыскания и исследования. Если вспомнить, что К. Н. Бестужев-Рюмин являлся и одним

из зачинателей и историографических исследований, то нельзя не согласиться с мыслью Р. А. Киреевой о том, что «источниковедческо-историографический» потенциал историка, представлявший фундаментальные основы исторического знания, можно рассматривать в качестве своеобразного пролога того, «что вскоре стало называться методологией истории»⁴⁰.

Таким образом, К. Н. Бестужев-Рюмин может быть представлен в качестве несомненного лидера-учителя петербургских историков, заложившего научную традицию, на базе которой в начале XX в. сформировались собственно научные школы историков Петербурга. Вероятно, они не смогли бы возникнуть без опыта *не состоявшейся персональной школы К. Н. Бестужева-Рюмина*. Место, которое он занял в науке, хотя и находилось вне схоларного процесса (сам не принадлежал к какой-либо определенной научной школе, не создал своей школы), тем не менее, не превращает его образ в ученого-одиночку и затворника. Открытый восприятию разнообразных идей в науке, умевший оценивать их как историограф, понимавший значение общего гуманитарного знания в качестве основы процесса исторического познания, строго следовавший принципам получения исторического факта на базе источниковедческого анализа, он сумел создать то, что можно обозначить как *институт ученичества*. Он и явился стартовой площадкой для активного творчества историков последующих поколений, стал питательной основой для хорошо осознаваемого процесса формирования научных школ уже учениками К. Н. Бестужева-Рюмина.

Примечания

- 1 См. его переписку с С. Ф. Платоновым 1880-х–1890-х гг.: Письма русских историков (С. Ф. Платонов, П. Н. Милоков) / Под ред. В. П. Корзун. Омск, 2003.
- 2 Милоков П. Н. Воспоминания. М., 1991. С. 108.
- 3 Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства XIII–XV столетия. М., 1918. С. 25–26.
- 4 См.: Валк С. Н. Историческая наука в Ленинградском университете за 124 лет // Валк С. Н. Избранные труды по историографии и источниковедению. СПб., 2000. С. 7–106.
- 5 Там же. С. 7.
- 6 См.: Ростовцев Е. А. А. С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004. С. 26–47.
- 7 См. подробнее: Там же. С. 34–38.
- 8 См.: Альшиц Д. Н. Петербургская историческая школа. Ее место и значение в исторической науке, в политике, образовании, культуре // Петербургская историческая школа: Альманах. СПб., 2001; Ананьич Б. В. «Петербургская историческая школа» // Россия в XX веке: судьбы исторической науки. М., 1996; Ананьич Б. В., Панелях В. М. О петербургской исторической школе и ее судьбе // Отечественная история. 2000. № 5; Брачев В. С. «Наша университетская школа русских историков» и ее судьба. СПб., 2001; Жуковская Т. Н. Некоторые размышления о «петербургской школе» // Третьи мартовские чтения памяти С. Б. Окуня. Материалы научн. конф. СПб., 1997; Корзун В. П. Московская и петербургская школы русских историков в письмах П. Н. Милокова и С. Ф. Платонова // Отечественная история. 1999. № 2; Бычков С. П., Корзун В. П. Введение в историографию отечественной истории XX века. Омск, 2001. (Гл. IV. «Петербургская школа русских историков в конце XIX – начале XX веков»); Корзун В. П. Петербургская школа историков в конце XIX – начале XX века // Очерки истории отечественной исторической науки XX века: Монография. Омск, 2005; Ростовцев Е. А. Указ. соч.; Сидненко Т. И. Петербургская школа историков (либеральное направление) // Клио. 2002. № 4; Цамутали А. Н. Петербургская историческая школа // Интеллектуальная элита Санкт-Петербурга. СПб., 1993. Ч. 1.; Чирков С. В. Археография и школы в русской исторической науке XIX – начале XX века // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990; и др.
- 9 Бычков С. П., Корзун В. П. Указ. соч. С. 151–152.

- 10 *Ростовцев Е. А.* Указ. соч. С. 36.
- 11 *Бычков С. П., Корзун В. П.* Указ. соч. С. 156, 158; *Корзун В. П.* Петербургская школа историков... // Очерки истории отечественной исторической науки... С. 155, 157.
- 12 О деятельности Археографической комиссии см.: *Брачев В. С.* Петербургская археографическая комиссия (1834–1929). СПб., 1998.
- 13 *Ростовцев Е. А.* Указ. соч. С. 58.
- 14 См.: *Корзун В. П.* Петербургская школа русских историков... // Очерки истории отечественной исторической науки... С. 147–149.
- 15 *Чирков С. В.* Археография и школы в русской исторической науке. С. 21, 24, 27. См. также: *Он же.* Археография в творчестве русских ученых конца XIX – начала XX века. М., 2005.
- 16 *Ростовцев Е. А.* Указ. соч. С. 57–58.
- 17 Там же. С. 45.
- 18 См.: *Бычков С. П., Корзун В. П.* Указ. соч. С. 81.
- 19 *Шаханов А. Н.* Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века. Московский и Петербургский университеты. М., 2003. С. 395.
- 20 См.: *Ростовцев Е. А.* Указ. соч. С. 57–61.
- 21 См.: *Валк С. Н.* Указ. соч. С. 19–20.
- 22 *Ростовцев Е. А.* Указ. соч. С. 46–47.
- 23 Биографические сведения об историке можно почерпнуть из любого учебного пособия или сборника очерков об историках. В данном случае отмечу, что К. Н. Бестужев-Рюмин окончил юридический факультет Московского университета (1847–1851). В первые годы профессиональной деятельности связал себя с журналистикой, став основателем журнала «Московское обозрение» (1859). В нем поместил одно из первых своих исследований «Современное состояние русской истории как науки», заявив тем самым о себе как историке и историографе. В середине 1860-х гг. он получает пустовавшую в то время кафедру русской истории в Петербургском университете. В 1868 г. К. Н. Бестужев-Рюмин защитил магистерскую диссертацию «О составе русских летописей до конца XIV века», которая была высоко оценена Советом факультета, и историк сразу получил ученую степень доктора. Диссертация К. Н. Бестужева-Рюмина во многом определила источниковедческий стиль исследований петербургских историков. Главный труд историка — «Русская история» — явился результатом его курса лекций и воплощал в себе систему исторических взглядов и педагогических методов обучения истории, присущих ему. Историк читал курс лекций по историографии. Его историографические наблюдения воплотились в учебных курсах, историографических очерках и статьях, в книге «Биографии и характеристики» (1882).
- 24 *Платонов С. Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 112.
- 25 Там же. С. 123.
- 26 *Валк С. Н.* Указ. соч. С. 46.
- 27 См.: Там же. С. 46–47.
- 28 Там же. С. 47.
- 29 Цит.: *Шаханов А. Н.* Указ. соч. С. 270.
- 30 Письма русских историков... С. 247.
- 31 См. *Шмурло Е.* Очерк жизни и научной деятельности Константина Николаевича Бестужева-Рюмина. 1829–1897. Юрьев, 1899. С. 161.
- 32 Там же. С. 149.
- 33 *Киреева Р. А.* Враг ярлыков: Константин Николаевич Бестужев-Рюмин // Историки России. XVIII – начало XX века. М., 1996. С. 360.
- 34 Там же. С. 361.
- 35 *Пресняков А. Е.* К. Н. Бестужев-Рюмин: (К 25-летию со дня кончины) // Дела и дни. 1922. Кн. 3. С. 172; *Платонов С. Ф.* Константин Николаевич Бестужев-Рюмин (2 января 1897 года) // Русский исторический журнал. 1922. Кн. 8. С. 15.
- 36 См.: *Валк С. Н.* Указ. соч. С. 50–56.
- 37 Там же. С. 48.
- 38 См.: *Платонов С. Ф.* Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII века как исторический источник. СПб., 1888; *Пресняков А. Е.* Царственная книга, ее состав и происхождение. СПб., 1893. (отд. оттиск).
- 39 См.: *Ростовцев Е. А.* Указ. соч. С. 60.
- 40 *Киреева Р. А.* Указ. соч. С. 361. См. также: *Она же.* К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. М., 1990. С. 114–115.